

Т. ГОРИЧЕВА

ПОСЛЕДНЯЯ ФИЛОСОФИЯ АДОРНО

Отрывки из произведений Адорно

"Негативная диалектика Адорно признана некоторыми исследователями самой сильной работой современной диалектики. Ее негативность оценивается самим Адорно как неожиданный и смелый шаг в истории мысли, как вызов традиции. Однако, так ли это? Еще славянофилия обнаружил тот факт, что многие пороки западно-европейской мысли / в том числе и ее негативность - "исонизм" / не случайны: они обусловлены спецификой протестантского вероисповедания, узость и ущербность которого русские мыслители усматривали прежде всего в излишнем рационализме. Им, живущим в XX веке, не приходится бояться разума. Рационализм скомпрометировал себя "необоснованными" ужасами нашего столетия, беспомощностью обессмыслившей науки и абсурдом повседневного бытия. Философы давно уже смотрят сквозь эту тонкую, почти невидимую пленку рационального, им открылись онтологические глубины жизни, неприкосновенные для поверхностного ratio. Современный философ обратит внимание на другие уровни связи, он будет искать протестантскую "закваску", спустившись на ступеньку ниже, туда, где расположен подземный или "за-умный" пласт протестантского мироощущения. Вы откроетесь, что разум - это только один из способов уйти от "видимого" в "невидимое", от позитивного в негативное, и что более изокренное мышление /например, мышление Кьеркегора/ уходит в "мглистую тьму" апофатики, отринув ветхие ходули рационального познания, и сию, без сомнения, приближается к цели быстрее, чем его старший брат.

Адорно - человек очень далекий от религии. Теология - его враг, вернее "она вновь и вновь становится его врагом".

Однако, исступленный поиск всего "метакритического" и негативного делает его, на наш взгляд, философом протестантской традиции, и имя его, без сомнения, можно занести в альбетический проект и поставить рядом с именами такого близкого ему мыслителя как Гегель и такого далекого, как Кьеркегор.

Адорно считает, что предшествующая диалектика не была достаточно диалектична, потому что она не была по настоящему негативной. "Отрицание отрицания", с которым мы знакомы по философии Гегеля, не дает покоя фаустовскому духу нашего автора. Сказал "A", скажешь и "B". Адорно выжимает на следующую клавишу бесконечной рефлексии: он говорит "C". Получается: "отрицание отрицания отрицания". Если "отрицание отрицания" приводит к утверждению, то следующее отрицание уже не снимается ничем и делает диалектику действительно негативной. Диалектическое мышление здесь мыслит против себя, "не уничтожая себя при этом". "Арматура мышления" не должна прерываться к себе, — говорит Адорно, — мышление должно идти достаточно далеко для того, "чтобы просветить тотальность своей логической претензии как ослепления".

Вот оно — бегство от всякого "да", которое квалифицируется как ослепление, от уловленности внешним и ветхим, от "естественного" человека. Как знакомо оно всем, кто испытал на себе влияние литературы , для кого "священная мгла" и сокрытый в расплатах Бог заслонил Бога явленного и прославленного! В философии, пораженной этим миорочувствованием, дух понимается как опосредование, как то, что противостоит "своему другому", природе /непосредственному/. В ущечении опосредованнием высшее откровение Бога человеку и Иисус Христос превращается в недоступное никогдято, ускользнувшее от него .²⁶

понимания, "снимается" в нем, согласно старой формуле "понять, значит, снять". Подобное "убегание" предметности открыто и "академизировано" в философском языке не Кьеркегором и уж тем более не Адорно. Эта пародоксальность присутствует уже в немецком идеализме, который в своей "неузнаваемости" не смог "додумать" ее до конца.

Однако, что же такое адорновское диалектическое мышление, которое мыслит против себя, не уничтожая себя при этом? Не воспроизводится ли здесь общий механизм сознания, открытый классической диалектикой? Вспомним, что сознание находит себя и свою истину лишь в самосознании / т.е. на следующей ступени развития духа/, но в самосознании оно также перестает существовать. / Мыслит против себя не уничтожая себя/. Как видим, здесь Адорно лишь воспроизводит Гегеля, хотя и пытается вступить с ним в борьбу. Все основные принципы диалектики Адорно принадлежат классической традиции. Адорно видит свою задачу в том, чтобы быть более последовательным, чем эта традиция, договорить за Гегеля там, где последнему не хватило смелости. Как известно, монолог вытеснил у Гегеля диалог, сущее уничтожило и бытие и небытие, а понятие заменило и обескровило "свое гетерогенное", Адорно понимает, что Гегеля можно "раскурить назад", бесконечность сделать неуязвимой для конечного, негативное погрузить в питательную среду пародомса, а философскую ятоунаду прекратить "выкладыванием карт на стол". Возвратить мысли ее автономию вместе со способностью замечать реальность, сделать ее жизнь бесконечной - на это надеялся и Гегель, но Гегель смог лишь стать адвокатом своего времени и его предрассудков.

Кем станет Адорно?

Философия возникла из стремления к последовательности. Она - дитя честности, призывающей нас бесстрашно продолжаться вперед, не надеясь на отдых у перекрестков конечных решений. По-своему бесстрашная философия Адорно заслуживает самого серьезного к ней внимания. Череп наше новое воспроизведение старой античности. Назовем ее античностью "непосредственно-опосредованного". Она осталась неразрешенной в классической философии, которая не породила синтезирующего или "третьего" понятия, чего-то такого, что могло бы прикрыть непримичную -субъективный и механический смысл этой двойни. Есть только непосредственное и ли опосредованное. "Или-или", - которое мы встречаем повсюду в протестантизме, где между человеком и Богом - пропасть / или Бог - или человек /, и всякое возведение мостов расценивается как богохульство.

Однако, знаток Гегеля возразит: но ведь и Гегель ясно вскрыта дилемтика перехода или взаимодействия непосредственного и опосредованного: так Гегель показывает, что "чувственная достоверность", "бытие" и другие,казалось бы непосредственные реальности, в действительности уже опосредованы / становление, например, существует раньше бытия./ Да, но Гегель решает вопрос до примитивного однозначно, создавая царство "сплошного опосредования" или сплошной посредствованности, где исчезает ступень опосредования - Абсолютный Дух, о котором абсолютно ничего сказать. Гегель забывает о непосредственном, просто заглатывает его, а не обновляет через высший смысл. Однако, где опосредованное, там неминуемо есть и непосредственное, поскольку эти понятия взаимной обусловлены и взаимо порождаются. Непосредственное у Гегеля появляется помимо его же воли.

и мстит ему и не дает покоя многочисленной армии гегелевских критиков и интерпретаторов. Это - сама его система, становящаяся временами холодным трупом, потому что в ней обожествлены ушедшие в прошлое формы духа. Это и есть тот "позитив", с которым борется Адорно.

Немецкая философия не могла выйти за пределы изванной антииномии. Адорно также не приходит к живому синтезу мысли и реальности. Целое он представляет как простую сумму двух крайностей : духа / опосредованного/ и наличного бытия / непосредственного /. Он не стремится к созданию напротиворечивой системы, полагаясь на случайность: "Выступающая как конstellация теоретическая мысль обходит обследуемый предмет, надеясь, что он взорвется, примерно так, как замок хорошо оберегаемого сейфа - не только благодаря одному ключу, но через комбинацию номеров". Одним словом, Адорно вообще отказывается как-либо объяснить наличие связи между духом и материей, опосредованным и непосредственным - это, может быть, честно, но мало утешительно.

Недостаток всей немецкой философии в том, что она неверно понимала дух, отождествив его с опосредованием. Она искала Бога в небытии, пренебрегая его славой. Позабыв о том, что дух Святой послан нам как Утешитель, как знак Славы Господней / Иоанн 7, 39."С ие сказал Он о Духе, которого имели принять верующие в Него; ибо еще не было на них Духа СвятоГО, потому что Иисус еще не был прославлен"/, она ~~измыслила~~ сочинила его заново в виде неблагодатной, спешащей вслед мирской истории твари.

Дух не опосредован, но он и не непосредственен. Он

Как раз находится за пределами этой рассудочной оппозиции. Это сияние, доступное "нашей естественной природе целиком сверхъестественно, ибо является собой действие Божественной благодати. Оно дается нам непосредственно. Однако, это непосредственность недоступна. Вспомним Моисея после беседы с Богом на горе Синайской. Люди не могли смотреть на него — так сиял он необыкновенным светом, окружавшим Его. Он даже принужден был явиться народу под покрывалом.

Вспомним и преображение Господа на горе Фаворе: "и была риза Его, блескавшая как снег, и ученицы его от страха падали ниц." Чуть может, фаворский свет выведет уставших от блуждания философов из царства теней? И когда-нибудь на вопрос Бога — "Чего вам хотите от меня?" они скажут — "Учитель, чтобы нам прозреть," и философ перестанет служить духу" "немоты и слепоты", этому демону, разлучающему Бога и человека?

Но сейчас философия еще далека от того, чтобы слышать это зов. Не доверяй ничему, она не верит и себе самой. Философия, как полагает Адорно, стала чем-то вроде безрадостной клоунады, поскольку современный философ не уверен ни в чем, однако, он вынужден носить маску серьезности, как если бы знал истину. Мышленник превратился в "последнего человека", из "Заратустры, который смеется и моргает, то ли от посмешковатости, то ли от нечистой совести — сказать трудно. Адорно, чуткий ко всякого рода метафизичности, называет себя в духе этого Ницшеанского видения "последним" философом. "Последний и поздний" — в этом звучит смиренье. "Завершающий и заканчивавший", — "творец книги конца" — так говорит о себе и Томас Манн, занимающий позиции принципиального консерватизма. Адорно делает то же в философии примерно то же, что Томас

ищи в литературе — отстает давно испровергнутые ценностей, ценности разума и даже здравого смысла.

Потеряв надежду столкнуться с реальностью и отринуться на это столкновение рождением чего-то нового, Адорно становится магистром игры в бисер, человеком принципиального "истворчества", он лишь повторяет, подражает и коммутирует, потому что: "Теоретик, который сегодня вторгается в критические контроверзы, регулярно и стыдливо узывает, что то, что он должен заключить в мысль, давно уже сказано и лучше всего в первый раз." мир завершился и стал, нам нечего добавить к тому, что уже есть. Как нам расценить этот ход мысли? Что это? Смирение философской гордыни? Конец философии, бесславный и скромный? Но кто поверит, что философ высталивает в слово "конец" свое бессмыслье, а не родившееся вместе с философией желание сказать нечто столь значительное, чтобы все замолчали и навсегда застыли от благоговения перед последней истиной. И такой "конец" находим мы в философии Адорно, хоть и не любит он становиться на котуры и заручаться поддержкой таких бы то ни было абсолютов.

В философии Адорно существует неистребимое стремление тотальности. Предмет описывается здесь в самых разнообразных сторонах, так что критики Адорно жалуются на неблагодарность своих занятий, опасаясь, что в его философии уже предусмотрел и их полюк к проблеме. Мы уже говорили, что "негативная диалектика" самоосознается через борьбу со своим другим — а этого "другого" необычайно много. С целым легионом бесов сражается мысль Адорно, делая описание растянутым и многообразным: здесь идеология и утопия, мифологизация и идентификация, позитивистское табу и идеализация. Кажется, что

учтены все возможности мысли, они погибли в своей номинальности и таким образом приведены к своему завершению. Возможности превратились в "действительности." Адорно, кажется, уничтожил гранциентальность. В проекте его философии рисуются гербарий высушенных и потрепанных идей, коллекция философского поч-арта, где каждая "по смерти" реализовавшая мысль отчуждена от нас настолько, что кажется заглохшим Сфинксом. Она осуществилась и скрутилась, обретя плотность тех самых пресловутых бус, в которые играют современные интеллектуалы.

Отсюда и консерватизм Адорно - философия исчерпала все свои возможности, известила сомнительные места, пришла к тупицы. - Теперь можно и отдохнуть. "Усталость - страшный бич Европы" - сказал некогда Гуссерль¹⁰ мы встречаемся с "негативной" диалектикой" как с философией кризиса: в своем распаде она соединила претензии на выговаривание "всей истины" с архаичными формами философской мысли; ее "александризм" сказался в рассудочности и механистичности, в наложении случайности и сознательном эсприте.

Кто знает, чем окончится это кризисное для философии время - найдет ли сна в себе силы преодолеть гностическое самодовольство, оказаться "по ту сторону" ущербных альтернатив, выйти из мглы к свету, признать видимого Бога и воззвать к Ему.

000

Ниже приведены некоторые высказывания Адорно в переводе Т. Горичевой.

Тезисы против оккультизма.

I. Склонность к оккультизму представляет собой симптом извращенности сознания. Оно потеряло силу думать о безусловном и выносить обусловленное. Вместо того, чтобы определить единство и разделенность обоих моментов в работе понятия, оно безразлично смешало их. Безусловное становится фактом, обусловленное непосредственно существенным. Монотезм разлагается во вторую мифологию. "Я верю в астрологию, поскольку не верю в Бога", — ответил один из опрошенных на американском социально-психологическом исследовании. Кажется, что неумолимый разум, поднявшийся до понятия единого Бога, обрушился вместе с ним. Дух расползается на духи и терпит убыток, не распознавая того, что духов нет. Скрытая оскверняющая тенденция общества дурачит ее жертвы ложным откровением, галлюцинирующими феноменами. Напрасно в их фрагментарной очевидности они надеются посмотреть в глаза тотальным обстоятельствам и застыть. Паника вновь разразается над человечеством, несмотря на тысячелетия просвещения, и ужасы человеческого господства над природой, какими бы страшными они ни были, все же уступают ужасам господства человека над человеком.

II. Вторая мифология неподлиннее, чем первая. Первая была осадочным явлением, отражающим уровень познания соответствующих эпох, каждая из которых обладала более свободным сознанием, чем предшествовавшая ей. Вторая, испытывая неуверенность и колебания, выбрасывает однажды завоеванное познание, существуя в обществе, где высмеивается благодаря всесобщему обмену как раз то элементарное, властью над которым и обладают по их

собственному мнению оккультисты. Взгляд мореплавателя на дискурсы, ощущение черева и источника были, несмотря на безумную закрепощенность непостижимым, историческим опытом субъекта, сообразуемым с объектами его действия. Но как рационально оцененная реакция против рационализированного общества, в каморках и консультациях духовиццев всех степеней, вновь возрожденный анимизм отрицает отчуждение, свидетельствуя между тем о нем и существуя благодаря ему, — одним словом, представляя собой суррогат несуществующего опыта. Оккультист извлекает из фетишистского характера товара самые крайние последствия: угрожающе опредмеченная работа измывается над ним бесчисленным количеством демонических морд, спрятанных за предметами. То, что забылось в ставшем объектом мире — его произведенность человеком — отдельно и в извращенном воспоминании добавляется и отождествляется как в-се-бе-сущее с в-себе бытием объектов. Поскольку последние заморожены лучами разума и потеряли видимость одушевленности, последняя, в ее общественном качестве, превращается в нечто самостоятельное, в вещь среди вещей.

Гитлер навязал человеку в положении несвободы новый категорический императив: таким образом организовать свое мышление и действие, чтобы не повторился Ауннци, не произошло ничего подобного. тот императив также сопротивляется всяко-му обоснованию, как некогда кантянский. Было бы преступле- нием делать его дискурсивным: в нем с телесной очевидностью обнаруживается момент присоединенности нравственного. С телесной, поскольку он представляет собой ставший практическим

ухас перед невыносимой физической болью, завладевшей индивидами, даже тогда, когда индивидуальность исчезает, как духовная форма рефлексии. Лишь в испорченном материалистическом мотиве сохраняет свою жизнь мораль. Ход истории приводит к материализму ту сферу, которая традиционно являла собой его непосредственную противоположность — метафизику. То, чем некогда гордился дух и что он определял как свое, движется в направлении неравного ему: к тому, что уходит из-под его власти и в чем она все-таки обнаруживает себя как абсолютное зло. Соматический, лишенный осмысленности слой живого является театром безутешных страданий, скигающих в лагерях все, что так успокаивало в духе и его культурных объективизациях. Процесс, который неумолимо направлял метафизику к тому, против чего она некогда концентрировалась, подошел к концу. И как бы не исхитрялась философия в вопросах материального бытия, она со времен молодого Гегеля не могла покончить с ним в той степени, в какой не продалась окончательно апробированному праздноМыслию.

Всеобщность, репродуцирующая сохранение жизни, одновременно и вредит ей на постоянно угрожающей ступени. Сила осуществляющей себя всеобщности не тождественна сущности индивидуумов в себе, она всегда противоположна ей. И не только потому, что в иллюзорной сфере экономики они являются собой маски характеров и агентов стоимости. Даже там, где они мечтают скрыться от жесткого призата экономики, глубоко в недрах психологии, этого их реакции протекают под давлением всеобщего; чем идентичней

неуловимой индивидуальности,

они связны с ним, тем неменее их связь с ним как связь безусловно подчиняется. В самих индивидах выражен тот факт, что всеобщее сохраняет себя не через них, а через антагонизм. Бесконечное множество раз даже сознательные и способные к критике всеобщего люди призываются неизбежными мотивами самосохранения к таким действиям и отношениям, которые помогают слепому подтверждению всеобщего, несмотря на оппозиционность их сознания. Только оттого, что они с целью выживания присваивают себе чужое, возникает иллюзия примирения, которая можно описывается гегелевской философией, признающей не-примосновенную власть всеобщего, как идея. Жалование, пронизывающее собой все антагонизмы, тождественно универсальной запутанности. Всеобщее заботится о том, чтобы подчиненное ему особенное было бы лучше его. В этом смысле любого сохранившегося по сей день тождества.

Нововременная, до сих пор доминирующая, философия хотела бы избавиться от традиционных моментов мышления, резисторизовать его содержание, превратить историю в особую область точной науки о фактах. С тех пор как в ложной непосредственности субъективно ценного находят фундамент всякого знания, стремятся также, следуя идолу чистого настоящего, лишить мысль исторического измерения. Истинная одномерность — "теперь" становится основой познания внутреннего смысла. Этот аспект объединяет признанных официальной мыслью антиподами патриархов современности: автобиографические пояснения Декарта о происхождении его метода и Беконовское учение об

идолах. Вместо того, чтобы противостоять безвременности объективной логики, исторической в мышлении объявляется суеверием, которое в действительности было возвращением к церковно-институализированной традиции в борьбе с исследовательской мыслью. Критика авторитета была совершенно оправдана. Но она не учитывает того, что традиция имманентна познанию как опосредующий момент его предметности. Познание оформляет предмет, делая из него, благодаря молчаливой объективации, . Оно, обособившись от содержания, обладает в себе традицией как неосознанным воспоминанием, ни один вопрос не может быть спрошен так, чтобы в нем не обнружило себя знание о прошлом. Образ мышления как внутривременного, мотивированно-прогрессирующего тождественен, будучи микроскопическим, макроскопическому, историческому, осуществляющему себя в структуре мышления.

Постигнения мантовской ледукции венчаются тем, что он даже в чистой форме познания, в единстве "я мыслю", на ступени репродуцирования силы воображения, сохранил воспоминание как след исторического. И поскольку ни одно время не очищено от содержания, оно не может оставаться чем-то сугубо внутренним, чистой формой, что нашло отражение у позднего Руссерля в понятии историчности / /. Внутренняя историчность мышления срослась с его сущностью и поэтому с традицией. Чистый же, полностью сублинированный субъект, напротив, был бы абсолютно вне традиции. Познание, открыто приветствующее идол этой чистой и тотальной безвременности совпадало бы с формальной логикой и стало бы тавтологией; в нем не останется пространства для трансцендентальной логики. Безвременность, к которой устремляется буржуазное сознание, очевидно, стараясь компенсировать свою инертность,

представляет собой предел его ослепления.

/ Из книги "Негативная
диалектика".

Ли Оно- Существует манера связывать развитие психологии с подъемом буржуазной индивидуальности в античности Ренессанса. При этом нельзя пропускать противоположный момент, также объединяющий психологию с буржуазным классом и разворачивающийся сегодня в исключительность: как раз подавление и растворение индивида, благодаря которому и происходило сведение познания к его субъекту. Если вся психология со временем Протагора возвышала человека мыслью о том, что он- мера всех вещей, то она же с самого начала и делала его объектом, материалом для анализа, и поставив его в ряд вещей, наделила их ничтожностью. Отрицание объективной истины ракурсом на субъект вспичивает его же собственное отрицание: ни одна мера не становится мерой всех вещей, она подвержена случайности и превращается в ложь. Все это указывает на объективные жизненные процессы в обществе. Принцип человеческого господства, развернутого до абсолюта, именно потому и направил свое острье против человека как абсолютного объекта и психология способствовала заострению этого остряя.

И, ее главная идея и априорный предмет, постоянно преображалось под ее взглядом в нечто не-сущее. Если бы психология могла опереться на тот факт, что субъект в обществе обменялся уже не субъектом, а на самом деле- его объектом, она могла бы дать себе оружие сделать и сохранить его действительно субъектом.

В психоанализе это становится очевидным, он притягивает личность как жизненную ложь, как высшую рационализацию, содержащую бесконечное множество рационализаций, с помощью которых человек уходит от влечений и подчиняется принципу реальности. Но таким решением он одновременно и утверждает не-бытие человека. Он отчуждает его от самого себя, доносит своим единством на его автономность и таким образом полностью подчиняет его механизму рационализации, приспособлению. Бесстрашная критика Я в-себе переходит в требование того, что другие Я должны капитулировать. В конце концов, мудрость психоаналитиков становится тем, за что ее принимает фашистское бессознательное — магазином ужаса, за технику специализированной банды шантажистов с помощью которой они безвозвратно призывают к себе страдающих и беспомощных людей, командуют ими и эксплуатируют их. Суггестия и гипноз, отклонение ей как аллюзии, армадочная зачарованность перед балаганом вновь возобновляются в этой грандиозной системе, как скверное кино в большом кинесматографе. Тот, кто помогает из лучшего знания превращается в унижающего другого неуступной привелегией. От критики буржуазного сознания остается лишь поднятая бровь, которая демонстрирует тайное согласие.

/ Из книги "Минимум морали" /